

ДЕНЬ,
КОТОРЫЙ ОПРЕДЕЛИЛ
ПОЛИТИКУ «ЦЕНТРОВ СИЛЫ»

Лев Корольков - Виталий Волков

Лев Корольков

**День, который определил
политику «Центров силы»**

«Издательские решения»

Корольков Л. И.

День, который определил политику «Центров силы» /
Л. И. Корольков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-568237-6

Полковник СВР и ветеран группы «Вымпел» Лев Корольков в своих мемуарах проливает свет на внутреннюю жизнь легендарных Спецкурсов КГБ СССР, чьи выпускники вошли в состав группы спецназа «Зенит». Являясь непосредственным участником событий 1979 года в Кабуле, Л. И. Корольков воссоздает обстановку, предшествовавшую вводу ОКСВ в Афганистан, и вместе со своим соавтором, журналистом Виталием Волковым, анализирует причины, побудившие советское руководство осуществить спецоперацию по смене режима Амина.

ISBN 978-5-00-568237-6

© Корольков Л. И.
© Издательские решения

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
НАЧАЛО	8
ГЛАВА 1	16
ГЛАВА 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

День, который определил политику «Центров силы»

**Лев Иванович Корольков
Виталий Леонидович Волков**

Редактор Дарья Николаевна Письменюк

Дизайнер обложки Дарья Николаевна Письменюк

© Лев Иванович Корольков, 2022

© Виталий Леонидович Волков, 2022

© Дарья Николаевна Письменюк, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0056-8237-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВСТУПЛЕНИЕ

27 декабря 2021-го исполнилось 42 года с роковой даты, но война продолжает полыхать фактически на всей территории Афганистана, так или иначе втягивая всех соседей как на севере, так и на юге, значительная часть которых это члены ядерного клуба.

Ушли и продолжают уходить непосредственные участники событий 27 декабря 1979-го. Ко мне неоднократно обращались коллеги и знакомые с предложением написать свои собственные впечатления о событиях того дня.

Настоящий труд сперва предполагался как мои личные воспоминания о начале «афганской» эпопеи и носил характер свидетельства участников событий вплоть до финала 28 декабря 1979 г. Однако в процессе работы над темой она из обычной мемуаристики превратилась в более широкое и детализированное повествование обо всем произошедшем в период между сентябрем 1979 г. и его финальной точкой, которая, как свидетельствуют последние новости из Афганистана, действительно оказалась днем, определившим будущее мира на десятилетия вплоть до настоящего времени, затрагивая геополитические интересы крупнейших центров силы, то есть России, КНР, США, Индии.

Поскольку сам автор, как выяснилось, должным литературным талантом не обладает, то пришлось привлечь к работе своего знакомого, профессионального журналиста Виталия Волкова, который еще в 1999 г. брал у меня интервью о тех же событиях как журналист «Немецкой Волны». Именно он и посоветовал расширить эту тему, начав с собственной биографии, чтобы было понятнее, люди какого поколения участвовали в такого рода операциях, что им предшествовало, что вызвало необходимость самого проведения данной операции, позднее получившей название «Шторм-333».

Хотел бы также упомянуть, что за истекший почти полувековой период с 28.12.1979 г. появилось множество фильмов, книг и статей, посвященных десятилетней (для России) афганской эпопее, однако лучшими, пожалуй, следует признать книгу Владимира Снегирева «Вторжение», блестящую книгу «Вирус «А» Валерия Самунина и Владимира Снегирева, а также фундаментальный труд «Трагедия и доблесть Афгана» покойного Александра Ляховского.

Автор заранее приносит свои извинения читателям за возможно обнаруженные ими шероховатости, которые связаны с тем, что он не является ни профессиональным журналистом, ни тем более писателем.

А также выражает сердечную благодарность за помощь и поддержку в работе над рукописью и при подготовке ее к изданию следующим своим друзьям и коллегам – В.М.Зорин, О.В.Леонтьев, И.Г.Петухов, Р.В.Дарвай, Е.А.Горбунова, Д. Н. Письменюк.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я, Виталий Волков, пишу этот текст под занавес 2019 года. Заканчивается декабрь, а снега нет, вершины Софийского собора в Новгородском детинце едва пробиваются сквозь сырой туман. Вот так величественное прошлое во времена оные едва выглядывает из-за завесы лет, чтобы напомнить о себе в настоящем и в будущем.

Год выдался тот еще. Только что, вчера, открылся железнодорожный мост из России в Крым, и только что, сегодня, на испытаниях потерпел крушение новейший истребитель Су-57. Только что «Газпром» договорился с «Нафтогазом» о продолжении украинского транзита в Европу, и только что США накаутировали европейцев санкциями против газопровода «Северный поток-2». Только что президент Турции Эрдоган пригрозил Евросоюзу новым потоком беженцев из Сирии, и только что российская и сирийская авиация отбомбила по осмелевшим боевикам в сирийском Идлибе. Только что ливийский маршал Хафтар, заручившись помощью французов, египтян, саудитов, пошел с очередным штурмом на Триполи, и только что Турция протянула руку помощи его противнику, президенту Сараджу. Новая война? Французы против итальянцев? Турки против саудитов?

Только что в Афганистане объявили нового президента. Полгода выясняли, как же проголосовал афганский народ, почти два десятилетия наслаждающийся демократизацией по-западному. И уже основной соперник победителя заявил о фальсификации результата, так что снова закрутится афганская карусель. А имя этого соперника отчего-то хорошо знакомо уху, помнящему про моджахедов старых, советских времен. Абдулла Абдулла... И только что очередной американский президент в очередной раз сообщил о выводе войск с Гиндукуша, и вспомнил о талибах¹, с которыми надо бы договориться... Талибы... Неужели они все еще не побеждены? Нет?

А еще сегодня, только ровно сорок лет назад, началась советско-афганская война. 25 декабря 1979 года 781-й разведбат 108 мотострелковой дивизии был переправлен на территорию Афганистана. История сегодня совершила свой малый оборот.

Да, ровно двадцать лет назад, в декабре 1999 года, я появился с магнитофоном «Сони» и микрофоном в московской квартире в Измайлово, чтобы расспросить хозяина про операцию «Шторм-333». Поговорить по-деловому и уйти. Вышло иначе. Эта наша беседа тянется, нет, длится, два десятилетия. Она из Измайлово отправилась в Афганистан, а оттуда путешествовала и в Кашмир, и в Пакистан, и в Иран, и через Персидский залив – в страны Ближнего востока, а другой дугой – через Турцию в Европу, в Албанию и Край Косово. И в Россию, на Северный Кавказ. Мы двинулись в путь по дуге кризиса – так мой собеседник назвал в тот день отправления наш маршрут. И что же? Мы по-прежнему на этом пути. Только он за эти двадцать лет удлинился – аж до Брюсселя, до Лондона, до Киева. Но об этом чуть позже.

Как это тогда, поначалу, странно звучало: Афганистан – не прошлое геополитики, а его близкое будущее... Так утверждал мой собеседник. Он убедил меня в этом, и в ходе убеждения родился цикл передач о дуге кризиса, об Афганистане, о вводе и выводе советских войск, о рождении террористических сетей, об Усаме бин Ладене, о ЦРУ и МВР, о законе истории, который подчиняет себе тех, кто помыслил ей управлять... А еще мой собеседник не просто убедил, но и увлек меня обаянием мудрого участника и свидетеля истории, и в этом увлечении родилась моя книга «Кабул-Кавказ», о будущем геополитики, о нас, о России, а еще – об особом русском рыцарском Ордене, под названием «Вымпел».

¹ Здесь и далее Талибан – террористическая организация, запрещенная на территории России.

НАЧАЛО

Родился я 18 августа 1937 года в городе Ленинграде на улице Марата, бывшей Николаевской. Знаменита она тем, что в ее конце до революции находились казармы Семеновского полка. Отец мой родом из Тверской области, а мать из псковских земель, родилась вблизи Изборска. Семья рабочая, отец – начальник столярного цеха на заводе «Красный Пролетарий», мать работала на заводе «Большевик», бывший Обуховский, который выпускал пушки еще до революции и продолжает делать это до сих пор.

В Питере предки и с той, и с другой стороны укоренились еще в начале 19-го века, это во многом отразилось на культуре семьи, так как общение с городской публикой накладывает свой отпечаток, в отличие от людей, постоянно проживавших в глубинке.

Год моего рождения, 1937-й, знаменит громкими судебными процессами над так называемыми «врагами народа», нашей семье эти беды не коснулись, хотя родственник клан в Ленинграде был очень большой. Безмятежное время детства закончилось для меня с началом Великой Отечественной войны. Мы только-только с матерью выехали на дачу в поселок Войбокало на Волхове, как в начале июля 1941-го отец вывез нас обратно в город, в том же июле отца призвали в армию и отправили в Орловский военный округ, где формировалась какая-то особая бригада. Позднее почти вся она полегла, когда зимнее наступление под Москвой практически остановилось, но жестокие бои продолжались до середины 1943 года. Отец погиб в январе 1942-го. Он упомянут в книге бывшего командира ОМСБОН Орлова.

В сентябре замкнулась блокада, и мы узнали, что такое бомбежки и артиллерийские обстрелы, в ноябре-декабре на улицах уже можно было увидеть людей, погибших от холода и голода. Это было самое жуткое время. В январе 1942-го была открыта Дорога жизни. С одной из партий я и мать были вывезены на «Большую землю», в район поселка Кобона.

Оттуда уже через несколько дней мы выехали на родину отца в Тверскую область, в деревню Сметанино – это между станциями Сонково и Красный Холм. У деда и бабушки по отцовской линии мы прожили до апреля 1942 года. Отошли от блокадных дней, откормились, а в апреле переехали в Рыбинск, где вместе со своей семьей жил старший брат матери Николай. Поначалу жили около авиадвигательного завода, который был построен компанией «Юнкерс» в начале 30-х годов. Однако этот завод, как и только что построенная в устье реки Шексны ГЭС (для того же завода), были основными целями немецкой авиации, которая с весны 1942-го и практически до ноября того же года непрерывно бомбила эти объекты. Наша ПВО оказалась настолько сильной, что разрушений не было ни на ГЭС, ни на территории заводских корпусов. Зато досталось близлежащим, в основном деревянным, домам, в которых проживало население. Практически через ночь мы прятались в ближайших бомбоубежищах, хотя защиты в них, конечно, никакой не было. Когда бомбы попадали в такие убежища, не оставалось ни самих убежищ, ни тех, кто в них спасался.

Там же в Рыбинске в сентябре 1944 года я пошел в первый класс школы бывшей Первой гимназии, построенной еще в 19-м веке. В том же году школы были разделены на мужские и женские, а программы изменены по образцу бывших русских классических гимназий. Именно эта реформа заложила основу одной из лучших образовательных систем.

Рыбинск – старый купеческий город, ставший индустриальным уже в советское время. Красивый, расположенный в междуречье Волги, Шексны и Черемухи. В годы войны он оставался тыловым, но все-таки она его настигла в 1942 году в виде упомянутых бомбардировок.

В 1946-м мы с матерью вернулись в Ленинград в свою старую квартиру на Марата. В одну из комнат в годы блокады попал снаряд, проживавшая там и пережившая блокаду женщина получила комнату, а после ремонта квартира превратилась в коммунальную, так как в большую комнату пришли новые соседи – старая петербургская интеллигенция. У них была внуши-

тельная библиотека, особенно мне нравилось брать у них дореволюционные журналы «Нива» и «Родина» с блестящими иллюстрациями и интересными по содержанию с точки зрения пред-революционной истории публикациями, они мне много дали в плане исторического образования.

В третий класс я пошел в школу №302 на столь же старинной улице Звенигородская. Школа была семилетней, значительная часть ее учеников относилась к категории «переростков», то есть тех, кто в годы блокады не учился, и эта диспропорция выровнялась только к моменту моего окончания школы в 1951-м. Школа имела довольно скверную репутацию, поскольку училась там так называемая «обводненская» шпана, соответственно чему были школьные нравы и суровые учителя.

После неудачной попытки стать полярником (совсем краткое пребывание в Среднем арктическом училище, ЛАУ) я продолжил обучение в восьмом классе уже другой общеобразовательной школы №314. В свое время это была основанная императором Александром Первым и Михаилом Сперанским мужская прогимназия. Располагалась она практически в здании дворцового ансамбля вблизи улицы Зодчего Росси. С другой же стороны здания школы находились торговые ряды Апраксина двора, фасад которого состоял из множества магазинов, но внутри квартала, за ансамблем торговых рядов, жила совершенно другая социальная, а точнее, асоциальная общность людей. Мелкое поколение этой общности называли просто «апраксинской шпаной». Они-то и составляли основной контингент учащихся 314-й школы. Примерно половина нашего класса была что называется «безотцовщина», родители которых погибли в годы войны или после нее умерли от ран и увечий. Поэтому психика всех остальных учеников формировалась с учетом этой среды.

Высокий культурный уровень Ленинграда предполагал наличие многих музеев и театров, школьников часто водили туда бесплатно, чтобы они заполняли пустующие залы – людям было не до того в 50-е годы, так что даже «апраксинская шпана» по части культуры была довольно продвинутой. Матом при девочках не ругались, драки проходили по определенному кодексу – нельзя было бить упавшего, применять ножи или другие режущие и тяжелые предметы.

Материальный уровень подавляющего большинства семей был очень невысоким, во многих семьях кормильцем была мать, мой сосед по парте и впоследствии близкий друг Игорь² вообще был фактически сиротой, отец его работал на Крайнем Севере, его дед был когда-то действительным статским советником, окончившим Институт путей сообщения, как и Николай I. Воспитывала Игоря тетка, типичная дореволюционная интеллигентка. К слову сказать, наша дружба с Игорем впоследствии продолжалась многие годы.

Фактически первое послевоенное поколение, которое застало голод, холод и видело трупы на улицах, выросло в людей стойких и закаленных, настоящих патриотов своей Родины, крепких телом и духом.

Любимым развлечением для школьников было выезжать зайцем на электричке за город на места прежних боев и собирать разные взрывоопасные предметы и оружие. Результат – потери и ранние знания по минно-подрывному делу.

² Игорь Михайлович Васильев – замечательный русский интеллигент, умнейший собеседник, прекрасный спортсмен, тренер нескольких выдающихся легкоатлетов, прожил очень трудную жизнь, где были и работа в уголовном розыске, и тюрьма, и многолетний лагерь, и множество людей, которым он помог поправить здоровье, и неопубликованный детектив, и многое другое, и в конце – запущенный рак. Но в этой сложной жизни дружба со Львом Ивановичем Корольковым заняла важнейшее место. Помню рассказ самого автора этой книги о том, как в школе два друга решили стать разведчиками и готовили себя к этой героической работе по методике, которую разработал Игорь Васильев. Прыгали с крыши в кузов грузовика, изучали ленинградские дворы на предмет ухода от наружки, тренировали реакцию действия и реакцию мышления. Помню, как уже в 2000-х Игорь Михайлович, рассказывая мне о своей работе в уголовном розыске, описал выезды на захват опасных преступников: «Бронежилетов тогда не было, так я надевал свой штангистский плотный пояс под длинный кожаный плащ. Такой пояс ножом просто не прорезать, только если шилом, и то надо постараться. Так ехал и брал бандитов». Я, имея опыт в единоборствах, тогда его, человека на седьмом десятке, попросил: «А покажите мне какой-нибудь из Ваших тогдашних приемчиков» – и через секунду оказался висющим в воздухе, головой вниз. Как? До сих пор не знаю... (прим. В. Волкова)

Война тогда долго сидела в каждом от мала до велика. Конечно, в послевоенном Ленинграде, городе так называемый первой категории снабжения, можно было прожить сравнительно лучше, чем во многих других городах европейской части страны. Не было очередей, бабьи с черной икрой стояли практически в каждом продмаге, с крабами и осетриной тоже не было проблем.

Еще следует добавить, что продукты тогда были исключительно качественными, так что жилось не столько голодно, сколько не очень сытно. В годы моей учебы было много книг, посвященных Великой Отечественной и другим войнам, которые СССР вел, начиная с Гражданской. Моими любимыми были «Как закалялась сталь», «Молодая гвардия», но особенно «Сильные духом» и «Это было под Ровно». Любимый герой – Николай Кузнецов. Вообще, конечно, меня всегда интересовала эта тема, и позднее любимым писателем стал партизанский разведчик Овидий Горчаков и его книга «Джин Грин – неприкасаемый». Кто бы мог подумать, что моя судьба сложится так, что я позднее смотрел реальные, а не книжные материалы – как, например, действовала группа «Победители» Д. Медведева в тылу противника – и сам потом оказался спецназовцем.

После окончания 314-й школы примерно половина нашего класса поступила в различные военные училища, которых тогда было очень много в Ленинграде. С моим уже упомянутым другом Игорем мы поступили в Специальную двухгодичную школу МВД СССР, которая готовила состав для оперативных подразделений.

Учеба в оперативной школе у меня оставила только хорошие и ностальгические воспоминания. Преподаватели и юридических, и оперативных дисциплин были люди из МГБ МВД, обладавшие высоким уровнем профессиональной эрудиции и знанием практической работы. Но наиболее значимым моментом в этой учебе для меня оказалась организованная моим родственником Александром Петровым – участником ВОВ, к тому времени занимавшим серьезное положение в Штабе нашей Группы войск в Венгрии, и начальником военной кафедры подполковником Швидем венегерская стажировка, которая совпала со знаковыми в историческом плане моментами.

Дело в том, что я выехал к месту двухнедельной стажировки в двадцатых числах октября 1956 года, будучи курсантом второго, выпускного, курса. О стране мне было известно лишь то, что она встала на путь социализма, и все остальное из того, что о ней публиковалось в советских газетах. Числа 21-го или 22-го мы прилетели туда в группе других стажеров из различных военных училищ. Я был встречен своим родственником, который сказал, что я буду прикреплен к воинской части, которая, как я понял, имела отношение к охране Штаба группы войск. Базировалась эта часть где-то в районе аэропорта.

Все мы, стажеры, впервые отправились за границу, тем более в такой исторический город, как Будапешт. Однако наши надежды, что мы посмотрим столицу на тот момент уже братской социалистической страны, не оправдались. Минимум три дня мы сидели в части, слушали лекции замполита батальона о нынешней сложной международной в общем и в ВНР, в частности, обстановке. Из этих лекций стало ясно, что в стране что-то не так и часть приведена в полную боевую готовность, даже стажерам было приказано получить оружие, новое обмундирование (мы прилетели в штатском) и все, что к этому прилагается. Наша экскурсионная программа была отменена, поскольку на улицах уже происходили демонстрации, переросшие в ожесточенные беспорядки, в ходе которых применялось оружие.

23 октября 1956-го в столице начался антиправительственный мятеж. Улицы я все-таки посмотрел – но уже в качестве экипажа бронетранспортера в составе нашей роты, когда нам поступило приказание выдвинуться к Парламенту. БТР, где я стал пулеметчиком, занял место в походном порядке, и около двух часов мы проходили по улицам, которые уже были охвачены вооруженными столкновениями. У разгромленного здания Горкома я впервые увидел мертвые тела: погибшие были одеты в форму – по всей видимости, либо сотрудники AVN, либо поли-

цейские (как нам потом сказали, это была перебитая охрана Горкома). Огонь открывать нам запрещалось, за исключением случаев прямого нападения. Часа через два-три мы подошли к Парламенту и соединились с другими нашими воинскими подразделениями. Разместились на близлежащей территории, были готовы к любой обстановке и ждали приказа. Было хорошо слышно, как в здании Парламента шла то затихавшая, то усиливавшаяся перестрелка.

По прошествии очень тревожной ночи мы получили утром приказ возвращаться в расположение части, так как на смену должны были прийти венгерские военные. На обратном пути мы могли видеть – я через триплекс как пулеметчик, а остальные через бойницы – экипажи и сгоревшие танки. Наши или венгерские – не могу сказать, не до того было. Таким оказалось мое возвращение в следующую после ВОВ войну. Дальше мы находились только на охране наших собственных частей, хотя все последующие дни канонада стояла очень серьезная, были введены войска, но по требованию нового премьера Имре Надя вскоре отозваны. Уже позднее, после возвращения в Союз, когда я внимательно ознакомился с тем, что писали о событиях наши газеты, узнал, что до 3 ноября непрерывно велись переговоры между Имре Надем, министром обороны Кираем (командующий вновь образованной мятежниками Национальной гвардии) и другими генералами. 3 ноября во время переговоров в Текеле все они были арестованы, а позднее – казнены. 4 ноября нам сообщили, что в ближайшие дни все мы – стажеры и родственники военнослужащих – будем отправлены на родину, настолько осложнилась обстановка.

В тот же день начался ввод наших войск, командовал Жуков. Все события в Венгрии достаточно полно описаны в большом количестве материалов. Естественно, мятеж был подавлен в течение трех-четырех недель, премьером на долгие годы стал Янош Кадар, который сделал из Венгрии вполне процветающее государство. Во всяком случае, во время моих последующих визитов в эту страну (в середине 70-х, а затем в 90-х и 2000-х годах) венгры отзывались о данном периоде как о самом хорошем на их памяти.

Я совершил этот экскурс, чтобы сказать – тогда я впервые понял, что такое кризисная ситуация в ее самой жесткой форме дестабилизации любого существующего порядка. Тот относительно кратковременный мятеж стоил больших человеческих жертв и материальных потерь для самой Венгрии.

Забегая вперед, скажу, что дальше еще была Прага.

Я считаю – это мое твердое убеждение – что большинство венгров все-таки было за так называемую народную власть, а не за мятежников, иначе с мятежом так быстро бы не покончили.

После выпуска я около двух лет отработал в Водном отделе МВД на Ленинградском водном бассейне, точнее – его подразделении в городе Лодейное Поле, начальником линейного пункта. Располагался он в одном здании с Аппаратом уполномоченного КГБ на ЛМБ. Личный состав и моего линейного пункта, и их Аппарата был относительно немногочисленным. Мы дружили, с санкции руководства делились оперативной информацией и поддерживали личные контакты. А вскоре произошло событие, изменившее мою судьбу.

В 1959-м мы провели совместную операцию с Аппаратом уполномоченного КГБ, который возглавлял тогда Виталий Епифанович Стогинский, всю войну отработавший в органах СМЕРШа. Он оказался моим первым учителем в области практической оперативной работы, особенно в розыске лиц, проходивших по так называемым первому и второму спискам (бывшие каратели и иные лица, служившие в немецких полицейских формированиях).

Операция была связана с задержанием бывшего карателя, командира взвода в Латышском легионе СС, оказавшегося объектом розыска КГБ Литвы, куда позднее он и был этапирован. Участники операции получили поощрения. Меня же вызвали в кадры Управления КГБ по Ленинграду и области, предложив перейти в Ведомство. Пока получали согласие моего отдела МВД на ЛМБ, пока шли проверки и согласования, пролетела пара месяцев. Но однажды

меня вызвал кадровик, который занимался моим личным делом (А.А.Кириллов) и конфиденциально сообщил, что одновременно с Минобороны будет большое сокращение (первое «хрущевское») и в КГБ, в том числе в Водном отделе на ЛМБ. Потому спросил, не хочу ли я продолжить дальнейшее образование: «Высшее же тебе необходимо?» – заметил он. Под учебным заведением подразумевался Институт иностранных языков КГБ, что располагался в Ленинграде на Малой Гребецкой (в далеком прошлом, до революции – Павловское военное училище). Разумеется, я заявил, что обеими руками «за» и поступить в такое привилегированное учебное заведение было моей мечтой еще со школы, но тогда существовало требование отслужить в армии. Я надеялся попасть на какой-нибудь из скандинавских языков – финский, шведский, норвежский, но на вступительных экзаменах получил 24 балла из 25 возможных и был зачислен, без всяких бесед и моего согласия, на японское отделение. Как правило, слушателями в двух японских группах преимущественно являлись выпускники Суворовского (пограничного) училища КГБ СССР, которое тоже предполагалось к расформированию. Все они были спортсмены, медалисты, комсомольцы, по моим воспоминаниям – очень талантливые ребята.

Через год сократили и сам Институт (на нашем сленге именовавшийся «кормушкой» по условиям обучения и пребывания). Личный состав был переведен в Москву уже в качестве Второго факультета (иностранных языков) в Высшую Краснознаменную школу КГБ СССР. Оставшиеся три с половиной года я доучивался в Москве, но каждые каникулы, летние и зимние, проводил в родном Питере.

За время учебы я все-таки полюбил японский язык, особенно увлекало страноведение Дальнего Востока (Япония, Китай, Корея). Языковую практику дважды проходил на Дальнем Востоке, после третьего курса – в Хабаровске, а после четвертого – на Сахалине. Влюбился я в этот остров, как говорят, с первого взгляда: горы, море, остатки японского стиля в местах бывших поселений и возможность разговаривать с носителями языка (там было еще достаточное количество смешанных японо-корейских семей и немногочисленных собственно японцев).

Практику я проходил в Первом (разведывательном) отделе УКГБ, полностью замыкавшемся на Центре, которая оказалась очень интересной: большая часть состава отдела были мои старшие сокурсники по Институту, а руководитель, Семен Иванович Соболев – участник боевых действий против Квантунской армии и сам выпускник весьма известной Канской школы переводчиков.

По возвращении в Москву мы с другими практикантами-востоковедами доучились последние полгода, сдали госэкзамены, а после я по распределению уехал на Сахалин, где, собственно, и отработал десять лет в указанном подразделении на разных участках.

Эти годы я вспоминаю с ностальгией. Отдел был компактный, с примечательной историей интересных операций, начиная с 1945 года, когда большую часть населения составляли японцы, а корейцы были еще меньшинством. Вскоре после репатриации японцев на родину там все же оставалась часть смешанных японо-корейских семей, которые и стали моим оперативным контингентом: у всех имелись родственники в Японии, в Южной и Северной Корее. Руководитель отдела С.И.Соболев и его заместитель Юрий Михайлович Сурнин были очень опытными профессионалами и воспитателями, передававшими личному составу свои богатейшие, без преувеличения, знания и навыки. Юрий Михайлович позднее крайне результативно работал в Афганистане и Канаде.

Анализируя прошлое, должен сказать, что Остров сыграл в моей судьбе значительную роль – под руководством таких наставников я и сложился как оперативный работник и офицер специального резерва. Именно они вместе с другими старшими коллегами (А. Рябов) заложили основы той практической социальной психологии, без которой нельзя выстраивать доверительные отношения с людьми разного возраста, социального положения, взглядов, а также опре-

делять их оперативные возможности и привлекать к решению задач по безопасности нашей Родины.

Как было сказано, весь период службы с момента начала работы на Сахалине и далее в Москве, я трудился по линии Отдела³, являвшегося правопреемником Четвертого Управления НКГБ, которым руководил в свое время Павел Анатольевич Судоплатов. Позднее обстоятельства сложились так, что я в Москве очень тесно и довольно долго общался с ним и его сыном – профессором МГУ, историком спецслужб Анатолием Павловичем Судоплатовым. Дружба с этими людьми, а также с Зоей Воскресенской позволила мне серьезно расширить мой профессиональный кругозор и, само собой, помогла в последующей преподавательской работе.

В 1968 году меня направили на Спецкурсы, которые позднее стали знаменитыми КУОС⁴, это был третий, так называемый «чехословацкий» выпуск. Дело в том, что мое обучение пришлось на острый период развития событий в данной стране, поэтому наши образовательные программы были полностью переориентированы на то, чтобы привить практические навыки по всем дисциплинам, которые изучались на КУОС. Особенное внимание уделялось стрельбе из различных видов оружия на полигоне Кремлевского полка, минно-инженерному делу, тактике действий групп специального назначения, а также был введен дополнительный курс изучения театра военных действий в Восточной Европе.

Начальником Спецкурсов являлся полковник Болотов Харитон Игнатьевич, а его заместителем, отвечавшим за весь учебный процесс, – Григорий Иванович Бояринов, оба прошли Великую Отечественную войну, ветераны пограничных войск. Ранее они работали на кафедре оперативно-тактической подготовки бывшего Военного института КГБ СССР, потому хорошо знали большую часть слушателей Спецкурсов.

По окончании КУОС после собеседования в Отделе меня спросили, не хочу ли я в группе товарищей съездить в «туристическую» поездку сроком 14 дней в Чехословакию по маршруту: Прага – Карловы Вары – Марианске-Лазне (во времена Австро-Венгерской империи Карлсбад и Мариенбад).

Из всего, что мы прочитали, и из проведенных с нами бесед стало ясно – с начала года обстановка в Чехословакии значительно осложнилась. Дело в том, что в январе 1968-го на съезде КПЧ первым секретарем ЦК был избран Александр Дубчек. К власти пришла группа диссидентов с намерением провести реформы, которые бы максимально сближали КПЧ с идеями «еврокоммунистов».

На самом деле в окружении Дубчека находилось достаточное количество лиц, подозревавшихся в слишком тесных связях с представителями западных разведок. Одновременно в Чехословакии было зафиксировано резкое усиление работы спецслужб стран НАТО. Советское руководство хорошо помнило, во что обошлись СССР венгерские события 1956-го и отнеслось к переменам в ЧСР очень серьезно, так как в политическом плане это означало определенный раскол в странах соцлагеря, а в военном отношении – в системе стран Варшавского договора.

На политическом уровне со стороны инстанций были предприняты серьезные меры по исправлению ситуации, а что касается военного аспекта, то аналогичные действия были осуществлены на руководящем уровне стран – участниц Варшавского договора.

В июле мы через Чоп, а затем через Словакию въехали в страну. В целом ситуация там казалась достаточно спокойной, во всяком случае, в Праге никаких демонстраций не наблюдалось, город был переполнен массой туристов, в основном из ФРГ, которых принимали особенно благосклонно, поскольку они расплачивались дойчмарками. Как и предписывалось,

³ Отдел «В» – ранее 13—1 Отдел при ПГУ СССР.

⁴ Курсы усовершенствования офицерского состава КГБ СССР.

в какие-либо политические разговоры с местными мы не ввязывались, а в основном изучали общую ситуацию, отмечая лишь то, что представляло оперативный интерес.

В Праге я встретился с одним из сотрудников журнала «Проблемы мира и социализма» Александром Шелепиным, чтобы передать ему письма от его родственницы Майи Ивановны Коневой, дочери маршала, и сестры его жены Ани Коневой. С последними я был хорошо знаком еще со времени, когда принимал их в гостях на Камчатке. В разговоре со мной Саша подтвердил, что на самом деле положение серьезное, потому что, несмотря на неоднократные беседы представителей нашего ЦК, Дубчек со своим окружением ушел, как он сказал, «в глухой отказ», и то, что Прага наполнена немцами, тоже не случайность: еще год назад такого не было, въезд для них именно в 1968 году был предельно либерализован. Кроме того, в чешской прессе и в изданиях, возглавляемых сторонниками Дубчека, появился ряд статей с крайне негативным освещением позиции СССР по отношению к реформам нынешнего руководства ЦК КПЧ.

По интересному совпадению в это же время непосредственно на границе ЧССР и ФРГ развернулись маневры войск НАТО.

Несмотря на то, что, как уже отмечено, обстановка внешне казалась достаточно спокойной и в переполненных пивных народ мирно пил пенное, какая-то напряженность все же чувствовалась. После Праги наша группа переехала в Карловы Вары, чтобы пройти краткий курс «лечения» в одном из местных санаториев. Оттуда же мы совершили несколько «туристических» поездок в Марианске-Лазне (в тех местах обстановка была и вовсе благодатной).

По окончании срока поездки в первых числах августа мы вернулись на Родину. Сразу после возвращения стало ясно, что кризис не только в ЧССР, но также между СССР и НАТО достиг такого апогея, что было принято решение о вводе частей советской армии и стран Варшавского договора (за исключением Румынии) в Чехословакию.

Впрочем, через довольно короткое время большая часть вооруженных сил стран Варшавского договора Чехословакию покинули, но некоторые части советской Армии остались в качестве Центральной группы войск.

18 августа я уже находился в Южно-Сахалинске и там узнал, что 21 числа был осуществлен ввод войск в ЧССР.

50-летие этого события – по крайней мере, в наших масс-медиа – освещалось довольно скромно, но именно пребывание в Чехословакии в этот критический для страны период возродило у меня интерес к проблеме возникновения такого рода кризисов, которые, по сути, являются глобальными с учетом нашего противостояния со странами главного противника, к предпосылкам таковых и законам, по которым такие кризисы развиваются.

Оказавшись на прежнем месте службы, я вернулся к работе на своем участке, который был расширен по ряду параметров в связи с осложнением общей обстановки в мире.

Следующим ярким событием моей биографии стало то, что в 1970 году я был направлен в очередную командировку для работы с так называемым спецрезервом на три месяца во Владивосток, в Отдельный морской разведывательный пункт КТОФ. Там я наряду с подопечными прошел подготовку боевого пловца, пробыв под водой 56 часов в общей сложности. Эта командировка, конечно, произвела на меня неизгладимое впечатление, поскольку я приобрел абсолютно новые умения и навыки.

Летом 1973-го довольно неожиданно для меня состоялся перевод в распоряжение Отдела Центра, где мне предложили, с учетом моего опыта по линии именно этого Отдела, стать преподавателем на КУОС.

Было принято во внимание, что к этому времени я уже имел достаточно высокий уровень воздушно-десантной, горной и морской подготовки. Оказалось, что с Курсов в долгосроч-

ную командировку уходил преподаватель спецдисциплины «А»⁵ Владимир Петрович Рябов, и по совокупности требований я подошел ему на замену.

Пожалуй, период с 1973 по 1979 годы, включая последний, стал самым спокойным в моей работе (за вычетом нескольких месяцев пребывания в Японии, а точнее, на острове Окинава, где тогда дислоцировалась Первая группа войск специального назначения США. В свое время она располагалась в Бад-Тельце, в ФРГ, но с началом войны во Вьетнаме была туда переброшена как базовая часть для прохождения боевой практики для остальных групп специального назначения – «зеленых беретов»).

В этот период на Окинаве проходила международная выставка «Человек и океан», что предоставило возможность попасть прямо в «расположение противника». Длительная командировка дала много новых рабочих знаний по прикрытию, шанс улучшить японский и английский языки, а также провести в интересах Центра ряд мероприятий.

А «запахло порохом», как говорится, в апреле 1978 года. Как-то интуитивно сотрудники Отдела и КУОС почувствовали, что данные события являются прологом нового серьезного международного кризиса.

В 1979-м это уже стало абсолютно ясно.

⁵ Дисциплина «А» – разведка и контрразведка в особых условиях.

ГЛАВА 1

Балашиха, ДОРНИИ, 28 апреля 1978 г.

Как обычно в половине девятого утра я прибыл на объект за полчаса до развода – этого времени всегда хватало на то, чтобы переодеться в форму, повседневную или полевую, в зависимости от вида предстоящих занятий. Заняв кабинет, привычно включил Спидолу, стоявшую на рабочем столе. Соседа по кабинету, Альберта Евглевского, еще не было.

По радио передавали последние известия. Мой слух задержался на сообщении, что в Кабуле, столице далекого Афганистана, произошел военный переворот, в ходе которого был свергнут премьер-министр Мохаммед Дауд, несколько лет назад сменивший таким же образом короля Захир-Шаха, отбывшего в Италию на покой. Следует отметить, что тот переворот был бескровным – для Афганистана исторически вещь довольно редкая. Как сообщил диктор, к власти пришла Народная демократическая партия Афганистана (НДПА)⁶. Незадолго до этого лидер фракции «Парчам»⁷ НДПА Мир Акбар Хайбар был убит при невыясненных обстоятельствах. Премьер Дауд приказал арестовать всех лидеров НДПА. Были арестованы Нур Мохаммад Тараки⁸ и Бабрак Кармаль⁹ и некоторое время спустя Хафизулла Амин¹⁰. Следом в Кабуле начались демонстрации и массовые беспорядки.

Насколько можно было понять из текста диктора, по призыву арестованных лидеров НДПА военные некоторых частей окружили дворец Дауда и подвергли его обстрелу. В стране случился переворот и к власти пришли ранее арестованные лидеры НДПА, поддерживаемые молодыми офицерами левых взглядов.

Меня, откровенно говоря, это сообщение заинтересовало в основном потому, что в Афганистане несколько последних лет работал мой начальник по Первому отделу на Сахалине Юрий Михайлович Сурнин. Это был профессионал высокого класса, пришедший в органы госбезопасности в последний военный год. Он стал для нас, молодых сотрудников, учителем и наставником во всех сложных технологиях агентурно-оперативной работы.

На момент описываемых событий он уже работал в Центральном аппарате в Москве. У меня сразу возникла мысль связаться с ним и выяснить, что же там в действительности произошло. Дело в том, что для практических занятий мне хотелось подобрать новый географический регион. А Центрально-Азиатский участок театра военных действий как раз был очень привлекателен тем, что там столкнулись противоречия «стран силы», причем страны эти являлись обладателями ядерного оружия – КНР, Индия и Пакистан. На севере театр военных действий проходил вдоль границ СССР – Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан. На западе лежало такое беспокойное государство, как Иран, где только что проамериканский шахский режим был заменен на власть исламских радикалов, а зона Персидского залива представляла повышенный интерес для нашего главного противника – США.

⁶ Народно-демократическая партия Афганистана – марксистско-ленинская партия Афганистана, существовавшая с 1965 по 1992 гг. Основана Нуром Мухаммадом Тараки. В 1967 г. в партии произошел раскол на фракции «Хальк» и «Парчам».

⁷ Парчам («Знамя») – фракция НДПА, сформированная после раскола партии в 1967 г.

⁸ Тараки, Нур Мохаммад (1917 – 1979) – общественный и политический деятель, генеральный секретарь ЦК НДПА в 1965 – 1967 и 1977 – 1979 гг., лидер фракции НДПА «Хальк» («Народ»).

⁹ Кармаль, Бабрак (1929 – 1996) – афганский политический и государственный деятель, один из основателей НДПА, лидер фракции «Парчам».

¹⁰ Амин, Хафизулла (1929 – 1979) – государственный, политический и партийный деятель, член Политбюро ЦК НДПА, министр иностранных дел (1978 – 1979), премьер-министр, генеральный секретарь ЦК НДПА, председатель Революционного совета Афганистана (1979).

Этой мыслью я поделился с Яковом Семеновым¹¹, с которым мы вместе разрабатывали учебные материалы к такого рода занятиям, и уже на следующий день я пришел к нашему командиру Григорию Ивановичу Бояринову¹² за одобрением, которое получил одновременно с предложением составить соответствующий документ для доклада в Отдел.

Я связался с Юрием Михайловичем Сурным и договорился с ним о встрече. Мы оба обрадовались нашему контакту, на мой вопрос, что же произошло в этой дружественной стране со времен Амануллы-хана, Юрий Михайлович ответил, что, конечно, переворот совершили молодые офицеры – члены НДПА.

Для нашей «точки» это было полной неожиданностью, хотя, конечно, какие-то оперативные материалы от источников о возможности подобных событий поступали. Как сказал Юрий Михайлович: «Им бы лет двадцать-тридцать подождать путь к светлому будущему, а они форсировали события, что в ближайшей и отдаленной перспективе может принести серьезные неприятности всем. В любом случае, спокойствия в этом регионе уже не будет долго». Как выяснилось позднее, он оказался совершенно прав: скоро исполнится полвека этому событию, а покоя там нет и не предвидится.

В общем, я спросил своего бывшего руководителя, не может ли он выступить с обзорной лекцией по оперативной обстановке в Афганистане перед слушателями КУОС, чтобы ввести их в суть происходящего в этом регионе, исторически всегда представлявшем клубок военных противоречий как между непосредственными соседями, так и с «центрами силы» («Большая игра» между Российской и Британской империями). Что и было сделано после нескольких технических согласований с заинтересованными подразделениями ПГУ и Отделом.

Следующим специалистом, которого я также пригласил с аналогичной целью, стал мой однокурсник по Ленинградскому институту и ВКШ Александр Голубев – эксперт по странам фарси (т.е. по Ирану и Афганистану, где фарси-кабули является одним из многих языков употребления).

Лекции получились очень полезные, для многих слушателей ставшие «открытием Америки». Их ценность была подтверждена тем, что мы не только разработали хорошие занятия с привязкой к ТВД, но и заложили основы тех знаний, которые пригодились в ходе команди-

¹¹ Семенов Яков Федорович – преподаватель КУОС и аспирант ВКШ КГБ СССР, проводил занятия по специальной тактике. Яков Федорович в 1990-е и в начале 2000-х в обществе «новых людей», более молодых и, казалось, все уже знающих не то что о штурме дворца Амина, но и о прошлом страны под названием СССР, вел себя неброско, говорил тихо и мало, из-под прищура век оценивал людей, с которыми предстоит жить в новой стране. Его легко можно было принять за протаска из бывших вояк, с характерным румянцем на скулах (природа этого румянца – отнюдь не «русская болезнь», а напротив спортивная дисциплина. К примеру, ежедневные многокилометровые пробежки зимой на лыжах). Но я его помню и в совсем другой обстановке. Вечером 27 декабря 1999 года в Москве, в небольшом кафе возле Площади Трех Вокзалов, собрались тринадцать человек. Хозяин, бывший «афганец», закрыл стекляшку на спецобслуживание, накрыл хороший русский стол. За столом – бывшие. Те самые, имена которых читатель встречал в этой книге. Ветераны группы «Зенит». Товарищи Льва Королькова и он сам. Медсестра отряда, помнящая где и кого спасала от контузий и ран. Во главе стола – бывший министр афганского правительства Наджибуллы, один и тех четырех опальных сторонников Тараки, которых спасли от верной гибели советские «геологи» в Кабуле. Рядом с ним – Яков Семенов. Гости рассаживаются вокруг стола. Сейчас будет поднята первая рюмка. За ушедших? Нет, первое слово (и видно – с молчаливого согласия остальных) берет именно Яков. «Прошу прощения за предательство. От себя и от моих товарищей перед вами, перед афганскими боевыми товарищами», – так, или почти так (не помню уже точно его слова) прозвучал первый застольный тост. Что Семенов имел в виду, за кого извинялся – понятно: и за советскую власть Михаила Горбачева, и за российскую власть Бориса Ельцина, которые одна за другой бросили президента Наджибуллу и его сторонников, его гвардейцев, на съедение моджахедов, за спинами которых стояли «тринадцать языков». Я по сей день, когда вспоминаю тот вечер (а вспоминаю часто, вспоминаю каждый раз, когда слышу рассуждения о резонах советско-афганской войны), то первая мысль – о тех словах и о том искреннем переживании, которое отразилось на лице человека, их произнесшего... Яков Федорович Семенов мог и умел превращать момент в истории в исторический момент. Позднее, в 2000-е, мы встречались на его малой родине в Карелии и даже в Финляндии – в Хельсинки и в Лахти, где он какое-то время жил в небольшой холостяцкой квартире, собирался писать книгу. Могу засвидетельствовать, что непросто найти такого, как он, деликатного, вдумчивого, обладающего точным аккуратным юмором собеседника, такого глубоко погруженного в историю своего северного края этнографа, такого по-неброскому гостеприимного хозяина (прим. В. Волкова).

¹² Бояринов Григорий Иванович (1922 – 1979) – советский военный деятель, полковник КГБ СССР, Герой Советского Союза (1979, посмертно), в 1969 – 1979 гг. – руководитель КУОС.

ровок в Афганистан, поскольку первый эшелон слушателей был задействован в подразделении «Зенит», а последующие – в группах «Каскад» и «Омега». Но об этом позднее.

В учебном потоке 1978 г. мы с Яковым успели провести еще две встречи слушателей с практическими работниками географического отдела. В августе курсы заканчиваются, слушатели разъезжаются по местам службы, а преподаватели после отпуска занимаются либо методической подготовкой учебных материалов, либо направляются в командировки для работы с резервистами.

Конец 1978-го и начало 1979-го прошли спокойно, в рутинной работе. Новости из Кабула сводились в основном к тому, что новая власть принимает меры по реформированию и модернизации страны, чтобы она скорее могла встать на рельсы прогресса. Этой работе активно сопротивляется реакционное мусульманское духовенство и старые продаудовские силы. В общем, ничего особенного.

Новый набор как обычно с января месяца начал плановую учебу. В феврале состоялся выезд в учебный центр ВДВ в Тулу.

Уже с конца февраля – начала марта стали поступать сведения о том, что обстановка в Афганистане усложняется. В марте руководство КУОС и преподаватели оперативных дисциплин побывали на совещании в Отделе, где были ориентированы на то, что в ходе занятий необходимо вернуться к темам, связанным с этим регионом. Стало ясно, что ситуация в этой стране серьезно изменилась, в провинциях сформировалось повстанческое движение против новых властей, а конкретным толчком послужило восстание в, казалось бы, совершенно спокойном, третьем по значимости городе Афганистана Герате. Провинция Герат граничит с нашим Туркменистаном. Одновременно эта провинция соседствует с очень беспокойным Ираном, где власть практически перешла в руки мусульманского духовенства, сменив проамериканский, в целом секуляристский режим шаха Мохаммеда Реза Пехлеви.

Иногда в жизни происходят неожиданные встречи, которые возвращают нас в далекое прошлое. Так и было теплым сентябрьским днем 2019 года, когда я зашел выпить кофе на уличную веранду кафе на Старом Арбате и вдруг обратил внимание, что на меня довольно пристально смотрит сидевший за соседним столом немолодой мужчина с выраженными восточными чертами лица. Я тоже посмотрел на него, и тут мужчина обратился ко мне со словами: «Рафик Мушавер, вы меня не помните? Я Хаким, был у вас переводчиком». Я тут вспомнил молодого офицера ХАДа¹³, который был прикреплен ко мне как переводчик в 1988 году, в период моей годичной командировки в ДРА, и с которым мы неоднократно выезжали на операции в окрестностях Кабула.

Хаким по национальности туркмен, родом из Герата, в свое время окончил Минский политехнический институт, почему и знал русский вполне прилично.

О себе в дальнейшей беседе он рассказал, что в настоящее время живет в Нидерландах, куда перебрался со многими соотечественниками после того, как талибы захватили власть в стране. Занят торговлей коврами – это его семейный бизнес, которым занимался еще его отец. Родители его так и проживают в Герате. И коль скоро разговор коснулся этой темы, то дальнейшая беседа перешла к событиям 1979 года, а именно – мятежу в Герате в марте 1979-го, после которого семья Хакима была вынуждена переехать в Кабул и вернуться на родину только в начале 1990-х годов.

По мнению Хакима, именно мартовский мятеж в Герате и послужил детонатором всех последующих афганских событий. Значительную роль сыграло то обстоятельство, что Герат тяготеет больше к Ирану, и вообще это не пуштунский город по населению: большая часть персы, туркмены, узбеки, таджики, а пуштуны составляют там очень незначительную про-

¹³ ХАД – Министерство государственной безопасности Республики Афганистан с декабря 1979 г. до падения правительства Наджибуллы.

слодку. Город крупный, древний, третий в стране. Основой беспорядков, по мнению Хакима, послужило то, что после Саурской революции все государственные посты в городе заняли как раз пуштуны, выходцы из Кабула, которые резво принялись проводить реформы. Предпосылками мятежа стали, в основном, преследования клерикалов (исламских богословов и традиционных религиозных элит – шейхов, пиров, улемов), форсирование борьбы с неграмотностью и тому подобное. Местные муллы, как правило, обучавшиеся в Иране, обладали очень большим влиянием и авторитетом. Новые власти столкнулись сперва с пассивным, а потом и прямым сопротивлением населения. В результате конфликт перерос в открытый мятеж, немедленно поддержанный исламскими радикалами, среди которых было очень много выходцев из Ирана, в том числе переодетых военных. Позднее, по данным ХАДа, было установлено, что в Герат забросили почти 4 тысячи военнослужащих ИРИ в гражданской одежде.

На сторону восставших перешла и практически большая часть военнослужащих 17-й пехотной дивизии. Одним из их лидеров был командир зенитного дивизиона Исмаил Хан, впоследствии возглавлявший отряда моджахедов в провинции Герат под кличкой Туран Исмаил.

Результат – Герат чуть больше недели находился в руках восставших. Общее число погибших за период мятежа составило около двух тысяч человек, включая мирное население и военнослужащих 17-й дивизии. Погибли также 3 советских советника, из них двое – гражданские лица.

Правительство Афганистана оказалось совершенно не готово к такому развитию событий с учетом того, что подобное происходило и в ряде других провинций (Джелалабад, Кандагар и пр.).

Тогда-то Тараки и Амин впервые обратились к советскому правительству с просьбой ввести войска для подавления этого мятежа, используя выходцев из советских Центрально-азиатских республик. Руководство СССР жестко отказало в такой просьбе, предложив афганским правителям самим принять все необходимые меры.

Примерно в период с 20-го по 25-е марта мятеж был жестоко подавлен, при этом активно использовались авиация и танки.

20-го числа в Герат прибыла колонна генерала Сайеда Мухарама и 300 десантников из крепости Бала-Хиссар (Кабул).

На событиях в Герате я вынужден остановиться отдельно, поскольку, во-первых, их можно считать началом по-настоящему широкой гражданской войны (переходы многих воинских частей на сторону моджахедов происходили с завидной регулярностью), во-вторых, впервые было зафиксировано активное участие одной из соседних стран, а именно Ирана¹⁴.

В целом наша обзорная беседа с Хакимом затронула многие вопросы, связанные с ситуацией в Афганистане, как в период существования РА (т.е. до падения Наджибуллы¹⁵), так и сейчас. Мы сошлись во мнении, что Иран, и прежде проявлявший серьезное внимание к событиям в провинции Герат, до сих пор стремится поддерживать и усиливать свое влияние в этой части Афганистана.

Хаким заверил, что на его родине, в Герате, к шурави (советским людям) основная часть народа относится с большой симпатией, несмотря на все произошедшие перемены. Даже иммигранты из числа афганцев, осевшие в Западной Европе, испытывают определенную ностальгию по нашей дружбе.

¹⁴ В феврале 1979 г. в Иран из Ирака вернулся Аятолла Хомейни, а в апреле 1979 г. Иран был объявлен Исламской республикой. С этого момента и весь период пребывания ОКСВ в Афганистане иранские власти оказывали сильную идеологическую и материально-техническую (в том числе вооружением) поддержку движению моджахедов в западной части Республики. Бандформирования в пограничных с Ираном провинциях регулярно уходили туда на отдых и переформирование. В своих операциях части ОКСВ были вынуждены учитывать данное обстоятельство, что ограничивало эффект по ликвидации моджахедов (чтобы избежать международного конфликта).

¹⁵ Наджибулла, Мохаммад (1947 – 1996) – президент Республики Афганистан в 1987 – 1992 гг.

В заключение изложенного выше я хотел бы подчеркнуть, что на стороне наших противников в период 1979 – 1989 гг. оказался не только Иран, но и наш нынешний стратегический партнер КНР, поддерживавший моджахедов финансово и материально, а также Саудовская Аравия и Катар, но, главным образом, Пакистан, за спиной которых постоянно маячил главный хозяин в виде США. Другими словами, в этот период СССР оказался лицом к лицу с очень сильной коалицией. Исключением оказалась лишь Индия, которая придерживалась дружественного нейтралитета.

ГЛАВА 2

Балашиха, ДОРНИИ, 12 апреля 1979 г.

В три часа дежурный извещил, что в половине четвертого присутствующих преподавателей, за исключением тех, кто на занятиях, в лекционном зале собирает Григорий Иванович Бояринов. Когда мы собрались, то он в присущей четкой военной манере объявил, что в нашу учебную программу будут внесены серьезные изменения в связи с новой оперативной обстановкой в Афганистане. Не исключено, что некоторые слушатели и преподаватели могут быть туда откомандированы. Что касается задач, то о них будет сообщено после окончательного принятия решений руководством Отдела.

Совещание продлилось всего 15 минут, после чего все поняли, что надо опять изменять сетку занятий, с упором, как в прошлый год, на специфику этого театра военных действий. Все преподаватели как народ опытный пришли к общему мнению, что, скорее всего, командировки состоятся, так как из частных бесед с сотрудниками Отдела узнали, что проблемы возникли уже в самом Кабуле и руководство Представительства запросило людей для усиления безопасности как сотрудников Посольства, так и для многочисленной советской колонии (в Афганистане всегда было много наших специалистов для оказания разного рода помощи – от геологов и строителей до работников сельскохозяйственной отрасли и даже преподавателей Кабульского университета, часть специалистов находилась, конечно, в провинциях – там, где существовала значительная опасность, и они уже постепенно выводились и концентрировались в Кабуле).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.